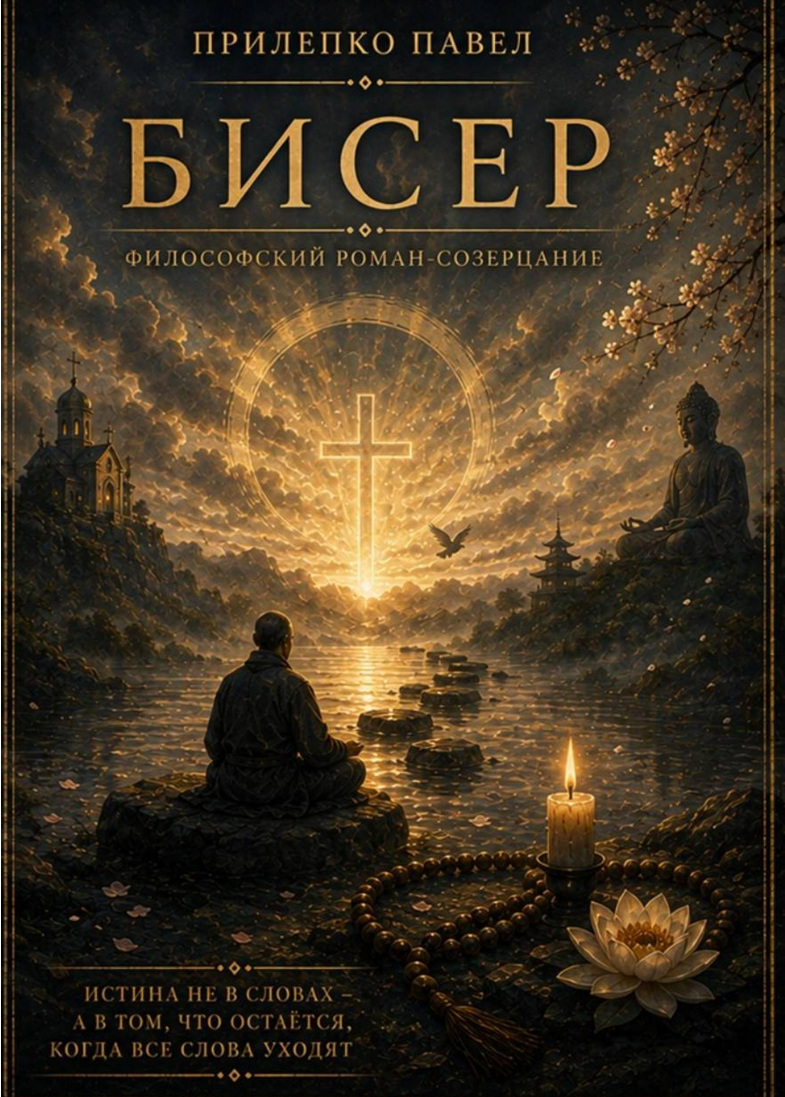

ПРИЛЕПКО ПАВЕЛ

БИСЕР

ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН-СОЗЕРЦАНИЕ

ИСТИНА НЕ В СЛОВАХ –
А В ТОМ, ЧТО ОСТАЁТСЯ,
КОГДА ВСЕ СЛОВА УХОДЯТ

Павел Прилепко

Бисер

<https://litres.ru/74373818>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Бисер» — книга о том, что происходит с духовным изречением, когда оно перестаёт быть только словами.

Книга движется в двух направлениях: религиозная формула превращается в жизнь, а жизнь вновь превращается в религиозную формулу. При этом буддийская и христианская традиции сохраняют собственный язык, символику и внутреннюю логику.

Название книги — метафора её построения. Каждая глава является отдельной бусиной. Они не обязательно связаны сюжетом, но постепенно нанизываются на невидимую нить — от разделения к единству, от внешнего к внутреннему, от стремления понять к способности увидеть.

Павел Прилепко

Бисер

Введение

1.1.

О книге, в которой изречение становится жизнью

Есть слова, которые были сказаны однажды и остались.

Они пережили тех, кто их произнёс. Пережили монастыри, храмы, школы, государства, споры и толкования. Их переписывали на пальмовых листьях, произносили в молитвах, записывали кистью на рисовой бумаге, высекали на камне, передавали от учителя к ученику.

Но самое удивительное в таких словах не то, что они сохранились.

Удивительно другое: иногда несколько слов оказываются больше, чем их буквальный смысл.

Они начинают жить собственной жизнью.

Сказанное «Царство Божие внутри вас» может быть прочитано как богословское утверждение. «И уже не я живу, но живёт во мне Христос» — как свидетельство апостольской веры. «Да будут все едино» — как призыв к единству. Слова Будды, дзенских наставников, мастеров чань, хайку Басё или Бусона могут быть прочитаны как философские формулы,

наставления или поэтические наблюдения.

Но возможен и другой путь.

Не объяснять эти слова.

Не доказывать их.

Не толковать их.

А поместить их в жизнь.

И посмотреть, что произойдёт.

Именно из этого опыта возникла книга **«Бисер»**.

1.2.

Зачем появилась эта книга

Эта книга создавалась как попытка увидеть знакомые религиозные формулы не только в пространстве догм, комментариев и богословских объяснений, но и в пространстве человеческого существования.

Нас интересовал момент, который обычно остаётся между изречением и его толкованием.

Что происходит с фразой, когда она перестаёт быть цитатой?

Что происходит с ней, когда она выходит из книги и оказывается среди дождя, снега, реки, горы, дороги, старого сада, человеческого одиночества, встречи, страха, любви, смерти, молчания?

Что происходит с человеком, если однажды услышанное слово начинает не объяснять его жизнь, а **проявляться в**

ней?

И, наконец, возможно ли обратное?

Может быть, религиозная формула иногда возникает потому, что кто-то прежде прожил то, для чего ещё не существовало слов?

Тогда движение происходит в двух направлениях.

Сначала формула превращается в жизнь.

И одновременно:

жизнь превращается в формулу.

Эти два движения и являются одним из главных оснований книги.

1.3.

От слова к жизни

Представим человека, который впервые слышит:

«И уже не я живу, но живёт во мне Христос».

Он может открыть богословский комментарий и узнать историю послания апостола Павла.

Он может изучить терминологию, исторический контекст, различные толкования.

Но есть ещё один путь.

Представим, что эту фразу вообще не произносят.

Представим человека, который утром делает то, что должен сделать, хотя никто не узнает об этом.

Он не ждёт благодарности.

Не требует признания.

Не спрашивает, кто заметит его поступок.

Вечером он возвращается домой и обнаруживает, что устал.

Он мог бы поступить иначе.

Мог бы выбрать себя.

Но не выбирает.

И никто не объясняет ему, почему.

В этом поступке уже может содержаться то, что в другой ситуации было выражено словами апостола.

Формула перестала быть формулой.

Она стала движением жизни.

И тогда возникает вопрос:

нужно ли человеку вообще знать эту формулу, чтобы жить тем, что в ней заключено?

Возможно, нет.

А возможно, наоборот, именно формула иногда позволяет человеку увидеть то, что он уже начал делать, но ещё не понял.

Так слово и жизнь начинают отражать друг друга.

1.4.

От жизни к слову

Но существует и обратное движение.

Человек может прожить нечто, для чего у него нет назва-

ния.

Он может почувствовать, что между ним и другим человеком исчезло привычное разделение.

Он может пережить любовь, в которой перестаёт действовать расчёт.

Он может оказаться перед страхом и вдруг обнаружить, что страх находится не там, где ему казалось.

Он может смотреть на гору и в какой-то момент перестать видеть в ней только гору.

Он может услышать звук колокола после того, как сам звук уже исчез.

Он может увидеть луну в воде и понять, что вода не старается отражать луну.

Он может услышать цикаду и обнаружить, что звук способен быть сильнее самой скалы.

Он может сидеть под холодным дождём и впервые заметить не только страдание маленького существа, но и собственную потребность защитить его.

Он может встретить на дороге человека, которого привык бы назвать врагом, и услышать от него предупреждение, спасающее жизнь.

Он может обнаружить, что тот, кого он считал чужим, в какой-то момент оказался частью его собственной дороги.

А потом, спустя годы, он открывает книгу.

И читает:

«Любовь никогда не перестаёт».

Или:

«Царство Божие внутри вас».

Или:

«Горы снова стали горами, а реки — реками».

И вдруг понимает:

это уже было в его жизни.

Сначала была жизнь.

Потом появилось слово.

Так жизнь становится формулой.

1.5.

Почему «Бисер»

Название книги связано с самой природой её построения.

Бисер — маленькая вещь.

Он не имеет большого веса.

Отдельная бусина может показаться почти ничтожной.

Но если бусин много, возникает нить.

А если между ними есть порядок, возникает узор.

Так устроена и эта книга.

Каждая глава самостоятельна.

Она не обязана непосредственно продолжать предыдущую.

В одной главе может быть гора.

В другой — река.

В третьей — человек на дороге.

В четвёртой — ребёнок, снег, животное, дождь или звук колокола.

В пятой — несколько слов, произнесённых почти случайно.

Формально между ними может не быть никакой связи.

Но существует другая связь.

Связь внутреннего движения.

Одна глава может говорить о растворении границы между субъектом и объектом.

Другая — о любви, которая не требует себя.

Третья — о том, что сила обнаруживается там, где человек перестаёт считать себя источником силы.

Четвёртая — о единстве.

Пятая — о молчании.

Шестая — о том, что тайна перестаёт быть тайной именно тогда, когда её пытаются удержать как тайну.

Читатель сам соединяет эти бусины.

И если соединение состоялось, возникает не готовая философская система, а **нить**.

Ну и в конце концов, если уважаемому читателю не понравятся вышеизложенные тезисы, то почему бы и нам не принять за правило просто “метание бисера”?

1.6.

Буддизм и христианство

На первый взгляд буддийские изречения, дзенские истории, хайку японских мастеров и слова Христа или апостола Павла принадлежат совершенно разным духовным мирам.

И действительно, между ними нельзя механически поставить знак равенства.

У них разные языки.

Разные исторические традиции.

Разные представления о человеке, спасении, просветлении, Боге, пустоте, природе сознания и конечной цели духовного пути.

Поэтому задача этой книги не состоит в том, чтобы доказать, будто буддизм и христианство говорят одно и то же.

Это было бы слишком просто.

Нас интересует другое.

Что происходит с человеком, когда он действительно пытается прожить смысл, заключённый в духовной формуле?

В буддийской традиции это может быть движение к освобождению от цепляния, к непосредственному видению, к непрерывности взаимозависимого возникновения, к исчезновению искусственного разделения между наблюдателем и наблюдаемым.

В дзен — ещё более радикально.

Здесь объяснение может стать препятствием.

Слово может заслонить вещь.

Понятие — непосредственное переживание.

Поэтому гора должна сначала перестать быть горой, чтобы однажды снова стать горой.

Но уже не той горой, которую человек видел прежде.

В христианстве движение иное по языку и основаниям, но также чрезвычайно глубокое.

Человек может говорить о Боге, но при этом жить так, будто Бога нет.

И наоборот — может не произносить никаких возвышенных слов, но жить так, что его поступок становится свидетельством веры.

«Царство Божие внутри вас».

«Пребудьте во Мне».

«Да будут все едино».

«И уже не я живу, но живёт во мне Христос».

Это не просто красивые фразы.

Если воспринимать их как духовные указатели, они требуют изменения самого способа существования.

Поэтому книга не пытается свести буддийский и христианский опыт к одной системе.

Она позволяет им **оставаться различными**.

Но помещает их рядом.

Не для спора.

Для внутреннего созерцания.

1.7.

Изречение как семя

Каждая глава начинается с малого.

Иногда это несколько строк.

Иногда одно предложение.

Иногда хайку.

Иногда слова человека, прожившего жизнь в молитве.

Иногда фраза, которая на первый взгляд кажется почти невозможной для понимания.

Но изречение здесь не является эпиграфом в обычном смысле.

Оно — **семя**.

В почву рассказа помещается не готовая мысль, а её зародыш.

После этого рассказ не должен пересказывать изречение.

Он должен позволить ему прорасти.

Это принципиально.

Если Басё говорит:

«В ладоши звонко хлопнул я,/ а там, где эхо прозвучало,/ бледнеет летняя луна», то рассказ не обязан сообщать читателю:

«Это означает исчезновение субъекта, иллюзорность разделения, непостоянство явлений».

Если мы скажем это прямо, работа закончена слишком рано.

Гораздо важнее, чтобы читатель увидел вечернюю воду.

Услышал хлопок.

Увидел исчезающее эхо.

Заметил луну.

Почувствовал, что звук уже закончился, а его отсутствие продолжает что-то менять в мире.

И только потом — возможно, через несколько страниц или даже через несколько дней — внутри него возникает собственное понимание.

Тогда изречение действительно проросло.

1.8.

Не объяснить, а дать увидеть

В этой книге существует принципиальное недоверие к прямому объяснению.

Не потому, что объяснение бесполезно.

А потому, что существуют вещи, которые при слишком быстром объяснении становятся меньше самих себя.

Если сказать человеку:

«Это рассказ о непостоянстве», —

он начнёт искать непостоянство.

Если сказать:

«Это рассказ о единстве субъекта и объекта», —

он начнёт искать единство.

Если сказать:

«Здесь речь идёт о внутреннем Боге», —

он будет искать соответствующий символ.

Но если вместо этого показать воду, которая отражает луну, человека, который пытается увидеть своё отражение, ветер, разрушающий поверхность, и тишину после этого, читатель получает возможность **самому оказаться внутри происходящего**.

Это совсем другой тип чтения.

Не интеллектуальное потребление смысла.

А участие.

1.9.

Поэтому в книге так много природы

Природа в этих рассказах не является декорацией.

Гора не просто находится на заднем плане.

Река не нужна для красоты.

Дождь не создаёт атмосферу только ради атмосферы.

Луна не является романтическим объектом.

Колокол не является красивой деталью.

Цикада не является символом, который нужно расшифровать.

Они существуют сами по себе.

И именно поэтому способны стать носителями смысла.

В дзенском видении особенно важно не заставлять вещь быть символом.

Если камень должен обязательно означать «неподвижность», он перестаёт быть камнем.

Если вода должна обязательно означать «сознание», она перестаёт быть водой.

Если луна должна обязательно означать «истину», она становится схемой.

Поэтому в книге вода остаётся водой.

Луна остаётся луной.

Гора остаётся горой.

Но в определённый момент читатель может увидеть, что между ними происходит нечто большее.

Это «большее» не нужно называть.

Оно должно быть **пережито**.

1.10.

Разговоры, которые ничего не объясняют

Поэтому и человеческие разговоры в книге должны быть особенными.

Это не философские диспуты.

Не лекции.

Не беседы учителя с учеником, где один задаёт вопрос, а другой выдаёт правильный ответ.

Человек может спросить что-нибудь совершенно обычное.

Другой может ответить неожиданно.

Третий вообще может промолчать.

Иногда наиболее важной оказывается случайная фраза

человека, который даже не знает, что произнёс что-то значительное.

Так религиозная истина может появиться там, где её никто специально не искал.

Человек говорит:

— Я думал, что дождь закончился.

Другой отвечает:

— Он просто перестал быть слышен.

И на этом разговор заканчивается.

Но читатель уже находится внутри пространства, где звук, отсутствие звука, ожидание и реальность перестают быть раздельными.

Или кто-нибудь говорит:

— Ты опять ищешь гору.

— Но она же здесь.

— Именно поэтому.

И разговор прекращается.

Потому что дальше уже нечего объяснять.

1.11.

Смысловая иллюстрация

Поэтому особое место в книге занимают иллюстрации.

Они не должны быть обычными иллюстрациями к сюжету.

Их задача сложнее.

Они должны быть **вторым способом прочтения главы**.

Если текст действует через последовательность времени, образов, звуков и человеческих наблюдений, иллюстрация способна собрать всё это в один момент.

Она может соединить то, что в рассказе находилось далеко друг от друга.

Гора.

Человек.

Река.

Луна.

Пустое пространство.

Буддийский символ.

След.

Свет.

Тень.

И слова самого изречения.

Но слова на изображении также не должны превращать его в плакат.

Они должны находиться внутри образа.

Как будто изречение не написано поверх картины, а **возникло из неё**.

Поэтому иллюстрации этой книги можно воспринимать как ещё одну форму медитации.

Не как пояснение.

Не как декоративное оформление.

А как самостоятельное пространство, в котором текст

продолжает действовать уже без словесной последовательности.

1.12.

Две стороны одного движения

В основе книги постепенно обнаруживается парадокс.

Мы начинаем с изречения и пытаемся привести его к жизни.

Но чем дальше идём, тем сильнее становится ощущение, что всё происходило наоборот.

Будто изречение никогда не было началом.

Оно было **следом**.

Кто-то когда-то увидел.

Кто-то пережил.

Кто-то прошёл через страх.

Кто-то потерял.

Кто-то любил.

Кто-то молчал.

Кто-то отказался от себя.

Кто-то впервые увидел гору не как объект, а как присутствие.

Кто-то слышал колокол уже после того, как он смолк.

Кто-то увидел, как луна исчезает в воде.

А потом возникли слова.

И эти слова стали изречением.

Но через столетия другой человек читает их и снова превращает в жизнь.

Получается круг.

Жизнь → слово → жизнь.

И этот круг никогда не замыкается окончательно.

Потому что каждый новый человек входит в него со своим опытом.

1.13.

О духовном предназначении

Есть ещё один вопрос, который проходит через книгу почти незаметно.

Для чего человеку вообще нужна духовная формула?

Если человек может быть добрым без религии, зачем ему слова?

Если человек способен любить без знания богословия, зачем ему учение?

Если человек может сидеть в тишине и видеть происходящее непосредственно, зачем ему дзенские тексты?

Возможно, потому, что человек постоянно забывает.

Он видит — и забывает, что видел.

Любит — и начинает владеть.

Верит — и начинает считать себя обладателем истины.

Постигает — и начинает считать себя постигшим.

Получает формулу — и превращает её в догму.

Поэтому духовная формула может быть не ответом.

Она может быть **напоминанием**.

Но и напоминание может стать ловушкой.

Если человек начинает поклоняться слову вместо того, чтобы пройти туда, куда слово указывает, слово превращается в стену.

Именно здесь особенно близки многие парадоксы дзенской традиции.

Указатель нужен, чтобы найти направление.

Но никто не принимает указатель за дорогу.

Никто не должен всю жизнь стоять возле стрелки, доказывая другим, что именно она показывает правильный путь.

В этом смысле и религиозная формула должна однажды исчезнуть в том, на что она указывает.

1.14.

Бисер нельзя проглотить целиком

Каждую главу этой книги можно прочитать отдельно.

И, возможно, именно так её и следует читать.

Не торопясь.

Не стремясь сразу установить связи.

Не пытаясь составить из всех глав единую философскую систему.

Бисер нельзя проглотить целиком.

Его можно только нанизывать.

Одна бусина.

Пауза.

Другая.

Потом ещё одна.

И только спустя время человек вдруг обнаруживает, что в его руках находится нить.

Не было отдельной главы, которая объяснила бы эту нить.

Не было единого трактата.

Не было последнего ответа.

Но между отдельными вещами возникло напряжение.

Между горой и рекой.

Между тишиной и звуком.

Между человеком и тем, что он называет собой.

Между любовью и тем, кто любит.

Между Богом и человеком.

Между пустотой и формой.

Между тайной и попыткой её раскрыть.

И именно это напряжение начинает создавать смысл.

1.15.

Читателю

От читателя этой книги требуется, пожалуй, совсем немного.

Не верить каждому слову.

Не соглашаться со всем.

Не пытаться определить, где здесь буддизм, а где христианство, и кто из них «правильнее».

Не искать обязательную систему соответствий.

Не искать скрытый ребус.

И даже не обязательно понимать каждую главу.

Некоторые главы должны остаться немного непонятыми.

Как остаётся непонятым сон после пробуждения.

Как остаётся непонятым эхо после того, как исчез звук.

Как невозможно полностью объяснить, почему однажды совершенно обычная гора кажется человеку другой.

Можно просто читать.

А потом закрыть книгу.

И выйти на улицу.

Если после этого читатель увидит дождь чуть иначе, чем видел его вчера, — книга уже сделала что-то.

Если услышит колокол и заметит не только звук, но и то, что остаётся после него, — ещё больше.

Если посмотрит на близкого человека и хотя бы на мгновение перестанет видеть в нём привычный образ, — возможно, одна из бусин уже нанизалась.

Если вдруг поймёт, что некоторые слова нужно не повторять, а прожить, — тогда книга продолжилась за пределами книги.

1.16.

Продолжение «Мастерства без стрельбы»

«Бисер» возник как продолжение «Мастерства без стрельбы», но это продолжение не сюжетное.

Между двумя книгами нет необходимости искать одних и тех же героев, событий или мест.

Связь находится глубже.

«Мастерство без стрельбы» было связано с исчезновением лишнего действия.

С движением к состоянию, в котором мастерство перестаёт быть демонстрацией мастерства.

В «Бисере» движение продолжается уже в другом пространстве.

Здесь постепенно исчезает необходимость даже в том, чтобы **объяснять отсутствие действия**.

Остаётся образ.

Фраза.

Природа.

Человек.

Пауза.

И то внутреннее пространство, в котором смысл может возникнуть самостоятельно.

Если в «Мастерстве без стрельбы» вопросом было:

что происходит, когда исчезает стрелок?

то в «Бисере» появляется другой вопрос:

что остаётся, когда исчезает необходимость объяснять, куда летела стрела?

Ответа на него книга не даёт.
Она только оставляет бусину.

Но именно она удерживает всё вместе.
Это и есть «Бисер».

Глава 1. Эхо

*В ладоши звонко хлопнул я,
а там где эхо прозвучало,
бледнеет летняя луна.*
Басё

Вечером жара ушла из камней, но не сразу. Сначала исчез её запах, потом перестали быть горячими перила у моста, и только потом река стала казаться такой же, какой была утром.

Луна поднялась над лесом рано.

Она была ещё почти полной, но свет её не лежал на земле. Он словно застревал в верхушках сосен, терялся в ветвях и только иногда падал на воду отдельными бледными пятнами.

У старого моста сидели двое мужчин. Один продавал рыбу, другой чинил велосипед. Они не были знакомы. Рыбак время от времени поглядывал на дорогу, ожидая последнего покупателя. Велосипедист уже несколько раз затягивал одну и ту же гайку, хотя, кажется, давно мог закончить.

— Завтра опять дождь будет, — сказал рыбак.

— Откуда знаешь?

— Комары низко летают.

Велосипедист посмотрел вверх.

— Луна ясная.

— Это ничего не значит.

Они снова замолчали.

Из леса донёсся какой-то звук. То ли ветка сломалась, то ли кто-то наступил на сухой сучок.

Рыбак поднял голову.

— Слышал?

— Слышал.

— А что это было?

Велосипедист пожал плечами.

— Теперь уже ничего.

Рыбак усмехнулся.

— Вот именно.

Он положил нож на колено.

Река текла под мостом. В темноте нельзя было увидеть, куда именно уходила вода. Видно было только её поверхность, иногда разбиваемую маленькими кругами.

На другом конце моста стояла девочка с матерью.

— Мам, а почему луна в воде?

— Потому что вода её отражает.

— А если воды не будет?

Мать немного подумала.

— Тогда луны в воде не будет.

Девочка посмотрела вниз.

— Но сама луна останется?

— Наверное.

— Тогда которая настоящая?

Мать не ответила.

Она взяла дочь за руку, и они пошли дальше.

Через несколько минут мост снова стал пустым.

Рыбак убрал нож.

— Дети иногда спрашивают хуже философов.

— Потому что ещё не знают, какие ответы правильные,

— сказал велосипедист.

— А философы знают?

— Они знают, какие ответы неправильные.

Рыбак рассмеялся.

В этот момент из леса снова донёсся звук.

На этот раз они оба слышали его отчётливо.

Где-то далеко хлопнула дверь.

Звук ушёл между деревьями и вернулся через несколько секунд уже другим — более тихим, размытым, почти неузнаваемым.

Велосипедист поднял голову.

— Интересно.

— Что?

— Пока звук был рядом, я не думал о расстоянии.

Рыбак посмотрел на него.

— А теперь думаешь?

— Теперь я слышу, сколько между нами места.

Они замолчали.

Луна поднялась выше.

Позднее на мост пришёл старик с маленьким фонарём.

Он остановился посередине и долго смотрел на воду.

— Здесь раньше был храм, — сказал рыбак.

Старик кивнул.

— Знаю.

— Осталось только основание.

— Знаю.

— А вы там были?

Старик улыбнулся.

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Много лет назад мне сказали.

Рыбак хотел спросить ещё что-то, но передумал.

Старик поставил фонарь на каменный парапет.

— Иногда человек всю жизнь носит с собой слова, которые услышал однажды, — сказал он. — А потом обнаруживает, что уже не помнит, кто их произнёс.

— И что остаётся?

Старик посмотрел на луну.

— Не слова.

Он взял с земли сухую ветку.

— Вот если сейчас бросить её в воду, что останется?

— Ветка в воде.

— Нет.

Он бросил ветку.

Та упала почти без звука.

— Круги, — сказал рыбак.

— И они тоже исчезнут.

— Тогда ничего.

Старик покачал головой.

— Не ничего.

Он не стал объяснять.

Ночью ветер усилился.

Деревья за мостом начали двигаться. Их тени ходили по земле, хотя самих деревьев почти не было видно.

На пустой площадке перед лесом стоял монах. Он был без посоха и без какого-либо отличительного знака. Просто человек в тёмной одежде, который зачем-то остановился посреди дороги.

Мимо прошёл молодой человек.

Он остановился.

— Вы знаете, где здесь монастырь?

Монах показал рукой.

— Туда.

— Далеко?

— Если торопиться — далеко.

Молодой человек посмотрел в указанную сторону.

— А если не торопиться?

Монах улыбнулся.

— Тогда ты уже пришёл.

Молодой человек не понял.

— Спасибо, — сказал он и пошёл.

Монах остался один.

Через некоторое время из леса донёсся хлопок.

Кто-то ударил ладонями.

Один раз.

Звук прошёл между деревьями.

Потом наступила тишина.

Монах не двинулся.

Он смотрел туда, где звук исчез.

Луна светила между ветвями.

Через несколько мгновений облако закрыло её.

Монах опустил глаза.

Утром на берегу нашли следы босых ног.

Они начинались у воды и уходили в лес.

Следов обратно не было.

Рыбак первым их заметил.

— Странно.

Велосипедист посмотрел.

— Может быть, человек ушёл другой дорогой.

— Может быть.

Они стояли над следами.

Потом пошёл дождь.

Сначала одна капля упала в след, затем другая. Через минуту вода заполнила углубления полностью.

Следы перестали быть следами.

Остались небольшие лужицы.

Рыбак посмотрел на них и вдруг сказал:

— Получается, он всё-таки остался.

— Кто?

— Тот, кто прошёл.

Велосипедист ничего не ответил.

Дождь становился сильнее.

К вечеру снова показалась луна.

Она была бледной после дождя.

На мосту никого не было.

Только вода двигалась под ним.

Где-то в лесу сухая ветка ударилась о другую.

Раздался короткий звук.

Он ушёл в глубину леса.

Вернулся почти незаметно.

И на мгновение показалось, что вместе с ним изменился

свет.

Луна стала слабее.

Не потому, что исчезла.

Просто стало слышно то пространство, в котором она находилась.

И тогда стало непонятно, что было первым — звук или тишина, свет или темнота, движение или то, что его заметило.

Река продолжала течь.

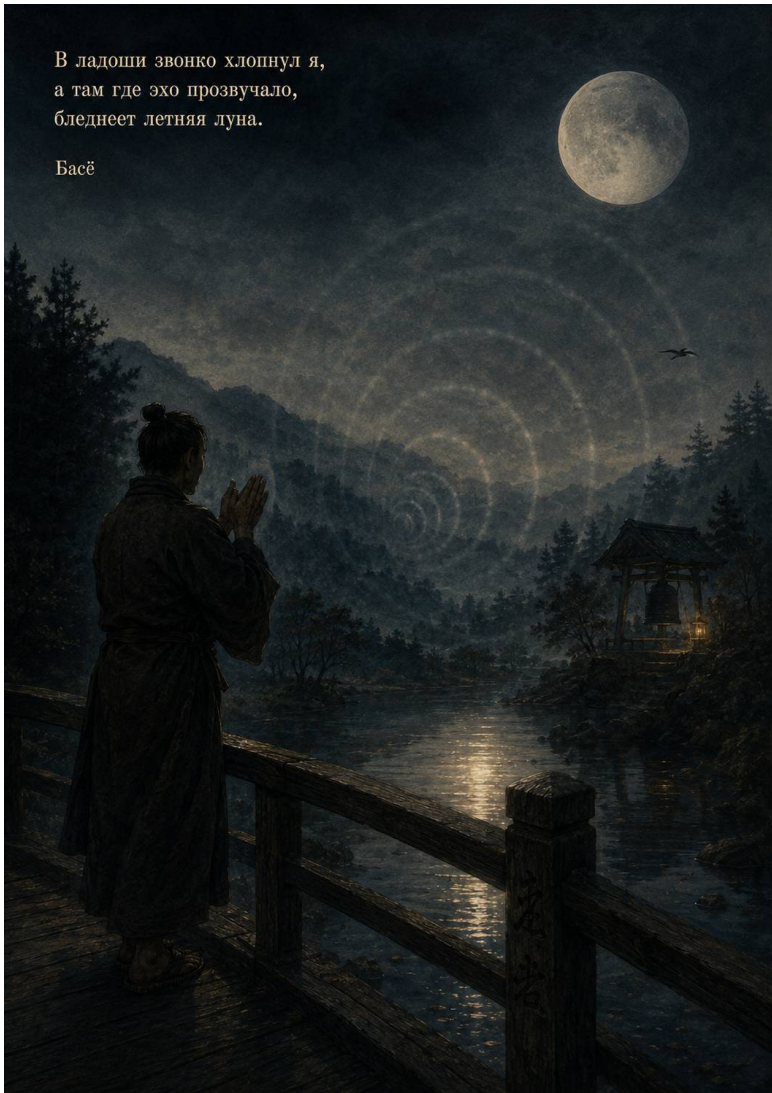
Луна продолжала бледнеть.

А эхо уже не возвращалось.

Оно просто перестало быть отдельным от леса.

В ладоши звонко хлопнул я,
а там где эхо прозвучало,
бледнеет летняя луна.

Басё

Глава 2. То, что не отделяется

Сначала абстрагируется субъект, а не объект, потом абстрагируется объект, а не субъект. Затем абстрагируется и объект и субъект. А потом - не абстрагируется ни тот, ни другой. Гхош

Утро началось с тумана.

Он лежал над полем так низко, что дальние деревья казались островами, а ближайшие — чем-то, что только собиралось стать деревьями. Дорога исчезала уже в нескольких десятках шагов. Человек шёл по ней медленно, иногда останавливаясь, чтобы проверить, туда ли он идёт.

Но проверять было не у кого.

Он дошёл до старого деревянного моста. Под мостом текла вода. Её почти не было видно — только слышно, как она проходит между камнями.

На другом конце моста сидела женщина в сером пальто. Перед ней стоял термос.

— Вы заблудились? — спросила она.

— Пока не знаю.

— Это хороший ответ.

Она налила чай в крышку термоса и протянула ему.

Он сел рядом.

Некоторое время они смотрели на туман.

— Когда я был молод, — сказал мужчина, — мне казалось, что главное — научиться смотреть на мир правильно.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что главное — заметить, кто именно пытается смотреть правильно.

Женщина улыбнулась.

— И что вы нашли?

— Сначала я убирал всё, что мешало мне видеть.

Он говорил без уверенности, словно вспоминал не собственную жизнь, а чей-то сон.

— Потом?

— Потом понял, что мешает не мир.

Вода под мостом продолжала течь.

— Тогда я начал убирать себя.

Женщина посмотрела на него.

— И стало лучше?

— Стало тише.

— Это не одно и то же.

Он засмеялся.

Туман немного поднялся. На другом берегу показался одинокий куст.

— Знаете, — сказал он, — иногда мне кажется, что человек проходит четыре двери.

— Какие?

— Сначала ему мешает он сам. И он пытается отойти от

себя.

— Потом?

— Потом ему начинает мешать мир. И он пытается отойти от мира.

— А дальше?

— Потом он понимает, что оба движения были частью одной ошибки.

Женщина поставила чашку на деревянную доску.

— А четвёртая дверь?

Мужчина посмотрел на воду.

— Там уже некому отходить.

Они замолчали.

Из тумана донёсся звук колокольчика.

Один удар.

Потом второй.

Звуки растворились, не оставив после себя ничего, кроме ощущения пространства.

— В монастыре за холмом звенят каждое утро, — сказала женщина. — Раньше я думала, что колокол зовёт людей.

— А теперь?

— Теперь думаю, что он просто звучит.

Мужчина посмотрел на неё внимательнее.

— Значит, вы тоже проходили эти двери.

— Нет.

Она покачала головой.

— Я просто однажды перестала искать дверь.

Туман начал расходиться.

За полем показался монастырь. Небольшой, почти незаметный. Красная крыша, тёмная линия стены, несколько сосен.

Мужчина долго смотрел на него.

— Там, наверное, знают ответы.

— Наверное.

— Вы не хотите туда?

— Нет.

— Почему?

Она подняла чашку.

— Потому что чай уже здесь.

Он ничего не ответил.

В этом ответе не было ни отказа от монастыря, ни предпочтения мирской жизни. Просто монастырь перестал быть особенным местом, в котором обязательно должна находиться истина.

Через некоторое время они пошли по дороге.

Туман теперь висел ключьями между деревьями.

Навстречу им шёл мальчик с пустым ведром.

— Где вода? — спросил мужчина.

Мальчик показал вниз.

— В колодце.

— А ведро пустое.

— Пока да.

Мальчик прошёл дальше.

Женщина посмотрела ему вслед.

— Он сказал правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.